

АЛЕНА ВАСИЛЬЕВА

Вне игры

Алена Васильева

Вне игры

«Автор»

2026

Васильева А.

Вне игры / А. Васильева — «Автор», 2026

Она хотела мужа-хоккеиста. Составила ТЗ. Написала стратегию. Провалила два спринта. Уронила торт. Вера Соколова — женщина, которая привыкла добиваться всего через планы, таблицы и метрики. Решив, что ей нужен муж-хоккеист, она берётся за дело со всей серьёзностью: изучает составы команд, составляет таблицу на сто двадцать игроков, покупает билет на закрытый вечер — и попадает в череду нелепейших провалов, от которых смешно и больно одновременно. А когда все стратегии оказываются бесполезны, она идёт на обычный матч, садится на обычную трибуну и знакомится с учителем истории, который объясняет хоккей через римских легионеров и Наполеона. Он не вписывается ни в один её критерий. И это — лучшее, что с ней случилось. Смешная, тёплая и очень честная история о том, что любовь не поддаётся оптимизации. И о том, что иногда нужно просто купить хот-дог и посмотреть, кто сядет рядом.

© Васильева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Постановка задачи	5
Глава 2. Анализ рынка	11
Глава 3. Первый спринт	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алена Васильева

Вне игры

Глава 1. Постановка задачи

Хоккей Вера возненавидела в одиннадцать минут двенадцатого ночи, стоя в VIP-ложе с бокалом тёплого шампанского, которое ей вручил менеджер по партнёрским отношениям с формулировкой «для атмосферы».

Атмосфера была следующая: внизу, за прозрачным бортиком, двадцать здоровых мужчин в доспехах носились за маленькой чёрной шайбой с упорством, которое Вера последний раз видела у своего тимлида за неделю до релиза. Пахло льдом, резиной и чужими деньгами. Рядом гудели партнёры — сорок человек в одинаковых корпоративных шарфах, из которых тридцать девять не понимали, что происходит на льду, и один понимал, но молчал, чтобы не выбиваться из коллектива.

Вера не понимала ничего. И это раздражало больше всего.

Она, женщина, которая держала в голове архитектуру микросервисов, бюджет на год вперёд и дни рождения всех ста восьмидесяти сотрудников, сидела в кресле за четыре тысячи рублей и не могла ответить на простейший вопрос: почему все так радуются.

— Вера Андреевна, — наклонился к ней менеджер, — вы за кого?

— За «Синхрон», — ответила она.

Она всегда была за «Синхрон». Восемь лет назад эта компания была собрана из трёх человек и одной идеи в съёмной квартире с котом, которого звали Дедлайн, потому что он всегда приходил в самый неподходящий момент. Сейчас в «Синхроне» работало сто восемьдесят человек, компания занимала два этажа бизнес-центра с переговорками, названными в честь планет, а Вера Соколова входила в топ-30 женщин-предпринимателей по версии одного глянцевого журнала, который она сама же и спонсировала. Что, если честно, было немного неловко, но пиар есть пиар.

Менеджер замялся.

— Я в смысле — за какую команду.

— А. — Вера посмотрела на лёд. — За синих.

— Все за синих, — вздохнул менеджер и отошёл.

Вера осталась одна. Тёплое шампанское щипало язык. Внизу синие и красные съезжались в очередной заварушке, свисток, крик, кто-то упал, кто-то встал, кто-то поднял клюшку, как будто собирался кого-то убить, и зал заревел так, что задрожали динамики.

И вот в этот момент Вера увидела его.

Не конкретного его. Его вообще. СобираТЕЛЬНЫЙ образ. Того самого, которого она потом будет искать одиннадцать месяцев, три города и сорок семь свиданий, из которых сорок шесть закончатся ничем, а сорок седьмое закончится тем, что она будет сидеть на обычной трибуне с хот-догом и слушать про Ганнибала.

Но до этого было ещё далеко.

А пока она смотрела, как синий номер девяносто один забивает гол, вскидывает руки, и весь стадион встаёт, и его подхватывают партнёры, и он смеётся так, как Вера не смеялась, кажется, с двадцать второго года, когда их первый продукт наконец заработал без падений.

Она посмотрела на него и подумала простую, ясную, абсолютно логичную мысль.

Я тоже так хочу.

Не его конкретно. Так. Чтобы вот так. Чтобы кто-то вскидывал руки. Чтобы кто-то радовался. Чтобы рядом был человек, который умеет радоваться так громко, что дрожат динамики.

Вера достала телефон. Открыла заметки. И написала:
«Хоккеист».

Потом посмотрела на слово. Потом на лёд. Потом на партнёров в шарфах. Потом снова на слово.

И поняла, что это, во-первых, слишком коротко. А во-вторых — совершенно не по-взрослому.

Вера Соколова никогда в жизни не формулировала задачу одним словом. Вера Соколова формулировала задачу в документе на двенадцать страниц, с оглавлением, ссылками и разделом «Риски».

Она допила шампанское. Оно всё ещё было тёплым. Это почему-то стало последней каплей.

Домой она вернулась в половине второго ночи. Сняла туфли в прихожей, не глядя, поставила их ровно (потому что двадцать лет привычки не выключаются даже в полвторого ночи), включила свет на кухне и открыла ноутбук.

Дедлайн уже спал на её подушке. Ему было плевать на её личную жизнь. Он вообще был единственным существом в её окружении, которое не боялось её гнева, не восхищалось её успехами и не спрашивало, когда она наконец выйдет замуж.

Вера села, налила себе воды, посмотрела на пустой экран и почувствовала то, что чувствовала всегда, когда начинался новый проект.

Спокойствие.

Потому что проект — это порядок. Проект — это структура. Проект — это когда хаос превращается в таблицу, а таблица — в результат. Жизнь, в конце концов, была просто плохо задокументированным процессом. А Вера Соколова умела документировать.

Она открыла новый документ. Сохранила как *ТЗ_Муж_Хоккеист_v1.0.docx*. Придумала название папки. Подумала и переименовала в ЛИЧНОЕ/ПРОЕКТЫ/АКТИВНЫЕ. Потому что незавершённые проекты не должны висеть в корне — это плохая гигиена.

И начала писать.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ Проект: «Муж (хоккеист)», версия 1.0

Заказчик: Соколова В. А., генеральный директор ООО «Синхрон», 34 года.

Исполнитель: Соколова В. А. (отдел личной жизни не сформирован, бюджет не утверждён)

Дата создания: 14 октября, 01:37

Приоритет: Высший. Блокирующий. Останавливает все остальные процессы.

Статус: Черновик (но, честно говоря, уже не черновик)

Вера посмотрела на этот заголовок, отпила воды и кивнула самой себе. Хорошо. Сухо. По делу. Никакой этой сентиментальной чепухи, которой её пытались научить три психолога, две подруги и одна тётя из Оренбурга.

Она продолжила.

1. ПРОБЛЕМА

Настоящая личная жизнь отсутствует. Последние отношения завершились двадцать восемь месяцев назад. Причина завершения: партнёр заявил, что «устал быть приложением к её календарю». Претензия была принята к сведению, но не признана обоснованной — приложение было качественное, с тёмной темой и без рекламы.

Последние восемь лет личная жизнь велась в режиме «как получится». Как показала практика, не получается. Требуется системный подход.

Вера перечитала абзац. Отличный. Объективный. Без истерик.

2. ЦЕЛЬ ПРОЕКТА

Выйти замуж за профессионального хоккеиста.

Примечание заказчика: цель сформулирована осознанно. Хоккеист — это не каприз и не шутка. Это осознанный выбор категории. Обоснование — в разделе 3.

3. ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА КАТЕГОРИИ

3.1. Физическая форма. Профессиональный спортсмен дисциплинирован по определению. Он встаёт в шесть утра, соблюдает режим и не считает, что «пойти в зал» — это когда ты дошёл до кухни за чипсами.

3.2. Стрессоустойчивость. Человек, которого двадцать тысяч зрителей одновременно называют бездарностью, обладает закалённой психикой. Ему можно сказать: «У меня упал прод на выходных» — и он не убежит.

3.3. Командный вид спорта. Умеет работать в коллективе. Понимает, что такое общая цель. Знает, что такое проигрыш и что после него нужно выходить на следующий матч.

3.4. Эстетическая составляющая.

Примечание заказчика: пункт 3.4 считать второстепенным. Не считать. Ладно, считать. Но не основным. Хотя он, конечно, основной.

Вера поморщилась и перечитала. Слишком много правды для одного документа. Но переписывать не стала. Она вообще не любила переписывать. Она любила, когда с первого раза правильно.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ (Must have)

4.1. Рост: от 185 см. *Обоснование:* у меня 172, и я устала вставать на бордюр для совместных фотографий. Также устала от мужчин, которые говорят «ты просто высокая».

4.2. Возраст: 28–38 лет. *Обоснование:* младше — это уже не муж, а стажировка. Старше — это уже не муж, а наставничество. Я готова быть женой, но не готова быть отделом кадров.

4.3. Вес: в ТЗ не указывается. *Обоснование:* я взрослая женщина и не собираюсь писать в документе вес живого человека. Кроме того, если я это напишу, меня потом заблокируют в трёх соцсетях, и я не смогу рекламировать «Синхрон».

4.4. Профессия: действующий профессиональный хоккеист. Критично. Не ветеран. Не любитель. Не «играл в юности, но сейчас у него свой бизнес по продаже автозапчастей». Действующий. *Примечание:* почему именно действующий, объясню в разделе «Открытые вопросы», потому что я сама пока не уверена.

4.5. Количество голов за сезон: не менее 15. *Обоснование:* я не разбираюсь в хоккее, но я разбираюсь в метриках. Мне нужен человек, который умеет достигать целей. 15 — это не «звезда», это «стабильный исполнитель с потенциалом роста». Мне не нужен гений. Мне нужен надёжный сотрудник, который не выгорит к третьему кварталу. (Сноска на полях, написанная позже от руки: «Господи, что я пишу. Ты вообще слышишь себя? Ты выбираешь мужа или нанимаешь аналитика?»)

4.6. Наличие зубов: желательно полное. *Примечание:* пункт обсуждаемый. Я готова к компромиссу в пределах двух единиц. Больше — уже вопрос эстетики и ортодонтии, а у меня нет на это времени.

4.7. Умение поддерживать беседу не только о хоккее. **КРИТИЧНО. ВЫДЕЛИТЬ ЖИРНЫМ. ПОДЧЕРКНУТЬ. ОБВЕСТИ.** *Обоснование:* я готова слушать про тактику и про то, как тяжело играть на выезде. Но если на четвёртом свидании мы снова обсуждаем, «кто виноват в третьем периоде», я за себя не ручаюсь.

Вера откинулась на спинку стула и посмотрела на текст. Дедлайн, почувствовав, что хозяйка не спит, поднял голову, зевнул и перебрался с подушки на её колени. Вера машинально почесала его за ухом.

Нормально. Идём дальше.

5. НЕФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

5.1. Отсутствие действующего брака. Критично. Проверять дважды. Желательно — по открытым источникам, а не со слов «мы с женой уже полгода не живём».

5.2. Отсутствие бывшей жены с активной юридической позицией. Обоснование: у меня уже есть один юрист в компании. Второй мне в квартире не нужен.

5.3. Отсутствие детей. Примечание: я не против детей. Я против входить в чужой проект на стадии, когда архитектура уже утверждена, а я — просто новый подрядчик.

5.4. Отсутствие отца-тренера. Критично. Есть отдельный тип людей, у которых папа с шести лет стоит за спиной и говорит, как правильно жить. Я работала с такими. Они не умеют принимать решения. Они умеют только согласовывать.

5.5. Устойчивость к тому, что жена зарабатывает больше. *Обоснование*: это будет самый сложный пункт. Я готова его проработать. Я даже готова ходить на терапию. Но если на втором свидании он спросит, «а ты точно сама это всё заработала», проект закрывается на этапе аналитики.

6. ЧЕГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ (Out of scope)

6.1. Аккаунт в соцсетях с мотивационными цитатами поверх фотографий с тренировок.

6.2. Татуировка с именем бывшей девушки. Даже перекрытая. Я вижу. Я всегда вижу.

6.3. Привычка называть меня «малышка» на деловом мероприятии.

6.4. Кличка, оканчивающаяся на «-юк». Это не личное. Просто это не мой типаж.

6.5. Фраза «я тебе потом объясню, это хоккейная тема». Нет. Объясни сейчас. У меня высшее техническое. Я разберусь.

7. РИСКИ

7.1. Риск неверной категоризации. Хоккеист может оказаться человеком, который не читал ни одной книги после школы и считает, что «Бородино» — это сеть ресторанов. Митигация: предварительное тестирование на третьем свидании.

7.2. Риск сезонности. У спортсменов есть сборы, выезды, плей-офф. Проект может быть недоступен в критические сроки. Митигация: уточнить календарь на первом этапе.

7.3. Риск моей собственной нетерпимости. Я привыкла, что всё происходит быстро. В личной жизни быстро не происходит. Митигация: не выявлена. Работаем над этим. Наверное.

7.4. Риск того, что я ищу не человека, а строчку в резюме. *Статус*: открыт. Закрывать пока не планирую. Вернуться к вопросу по итогам проекта.

Вера остановилась на этом пункте. Посидела. Посмотрела на курсор, который мигал в конце строки. Потом дописала ещё одну строчку, мелким шрифтом, как будто надеялась, что сама её не заметит:

«Никому не показывать. Особенно Лене».

8. МЕТРИКИ УСПЕХА

8.1. Количество релевантных знакомств за квартал — не менее 5.

8.2. Количество свиданий до перехода в статус «отношения» — не более 4.

8.3. Отсутствие повторных провалов по одному и тому же сценарию. (Провести ретроспективу после каждого неудачного свидания.)

8.4. Финальная метрика: свадьба до конца следующего сезона. *Примечание*: метрика амбициозная, но выполняемая. Я управляла релизом за 11 недель. Свадьба — это тот же релиз, только с цветами и без возможности откатиться.

9. СРОКИ

Спринт 1 (2 недели): разведка. Изучить составы команд, календарь матчей, открытые мероприятия.

Спринт 2 (3 недели): выход на контакт. Посещение матчей, благотворительных вечеров, закрытых мероприятий.

Спринт 3 (4 недели): тестирование гипотез на живых объектах.

Спринт 4: отношения.

Спринт 5: свадьба.

Резерв на непредвиденные обстоятельства: 2 недели. (Уже понимаю, что этого не хватит. Но пусть будет в документе. Так спокойнее.)

10. БЮДЖЕТ

Не ограничен.

Примечание: это единственный проект в моей жизни, на который мне не жалко денег. Хотя, если честно, жалко. Особенно на благотворительный аукцион. Но я справлюсь с этим чувством.

11. КРИТЕРИИ ПРИЁМКИ (Definition of Done)

Проект считается завершённым, если:

— он надел кольцо;

— он произнёс фразу «я тебя люблю» добровольно, без свидетелей и без последующего выставления счёта;

— я, глядя на него, не думаю «а что у него по KPI».

Вера нажала «Сохранить».

Потом откинулась, посмотрела на потолок и произнесла вслух — в пустой кухне, в два часа ночи, с котом на коленях:

— Отличное ТЗ.

Дедлайн посмотрел на неё как на дуру и ушёл спать.

Утром она отправила документ Лене.

Лена — операционный директор «Синхрона», лучшая подруга и единственный человек в компании, который не боялся Веру и мог при ней закатить глаза. Она прочитала документ за семь минут, потом позвонила.

— Вера, — сказала она, — у тебя здесь не указано, что он должен быть живым.

— Это подразумевается по умолчанию.

— Вера, у тебя в требованиях есть «отсутствие отца-тренера», но нет пункта «уважает женщин».

— Это тоже подразумевается.

— Вера, у тебя в разделе «Риски» написано: «риск того, что я ищу не человека, а строчку в резюме».

— Это открытый риск. Он прорабатывается.

— Вера.

— Что.

— Ты понимаешь, что любовь — это не проект?

Вера помолчала. Посмотрела в окно. За окном был октябрь, серое небо, машины, обычные люди, которые, наверное, просто влюблялись друг в друга без предварительного анализа рынка.

— Понимаю, — сказала она. — Но я не умею иначе.

— Тогда я помогу, — сказала Лена. — Только, пожалуйста, убери из документа строку «Вес не указывается, потому что меня заблокируют в трёх соцсетях». Это унижает нас обеих.

— Уберу, — согласилась Вера. — А как тебе пункт про зубы?

— Оставь, — сказала Лена. — Это единственное, что в этом документе выглядит человеческим.

Она повесила трубку.

Вера снова открыла файл, поправила формулировки, переименовала в v1.1 и посмотрела на название.

Проект «Муж (хоккеист)». Версия 1.1.

Тридцать четыре года. Сто восемьдесят сотрудников. Один кот. Ноль свиданий за последние двадцать восемь месяцев.

Задача поставлена. Сроки определены. Метрики зафиксированы.

Оставалось самое простое и самое сложное одновременно: найти человека, который пройдёт приёмку.

Вера Соколова, генеральный директор, женщина, которая ни разу в жизни не проиграла ни одного тендера, закрыла ноутбук, встала, сделала кофе и впервые за долгое время ощутила то, что ощущает любой менеджер на старте амбициозного проекта.

Азарт.

Из файла «стендап.docx», который Вера ведёт уже два года, но никому не показывает:

«Все говорят, что женщине сложно найти мужчину, потому что она успешная. Это неправда. Женщине сложно найти мужчину не потому, что она успешная. А потому, что она сидит в офисе до одиннадцати вечера, а потом ждёт, что судьба найдёт её сама. Судьба, дорогие мои, — это не курьер. Она не приходит по адресу. Ей тоже нужно оставить заявку. Я вот оставила. Правда, в формате Word. И, кажется, судьба её прочитала и очень удивилась. Но об этом позже».

Глава 2. Анализ рынка

Утро началось с того, что Вера проснулась в шесть, как обычно, и первые семь секунд не помнила, что произошло ночью.

Потом вспомнила.

ТЗ. Хоккеист. Двенадцать страниц.

Она лежала, смотрела в потолок и ждала, когда придёт стыд. Стыд не приходил. Приходил Дедлайн, который сел ей на грудь и потребовал завтрак. Вера вздохнула, скинула кота и пошла варить кофе.

За кофе она открыла ноутбук и перечитала документ.

Нет. Всё правильно. Хоккеист — это не блажь. Это осознанный выбор категории. Осознанный. Выбор. Категории.

Она сделала глоток. Кофе был хороший. Вера вообще не умела делать плохой кофе. Это было, пожалуй, единственное, что она умела делать медленно и с удовольствием.

ТЗ было сохранено. Цель сформулирована. Теперь начиналась та часть, которую Вера любила больше всего.

Разведка.

Она приехала в офис к восьми. Обычно к восьми она уже была там, потому что Вера Соколова приезжала раньше всех — не из трудоголизма, а потому что терпеть не могла, когда кто-то видел, как она паркуется. Парковалась она плохо. Это был единственный навык, который она за тридцать четыре года так и не освоила, и это её бесило.

В офисе было пусто. Пахло кофе из автомата (плохой кофе — это для сотрудников, у Веры в кабинете была отдельная кофемашина, потому что она уважала себя). Она прошла мимо переговорной «Марс», мимо переговорной «Венера», где на доске до сих пор висели стикеры с прошлого спринта, и закрылась в кабинете.

Первый час она отвечала на письма. Это была дисциплина: сначала работа, потом всё остальное. Вера свято верила, что личная жизнь не должна мешать профессиональной. Именно поэтому у неё не было личной жизни — она не мешала. Вообще никак. Ни разу. За двадцать восемь месяцев.

К десяти она провела планёрку. К одиннадцати — собеседование с новым разработчиком. К двенадцати — обед с инвестором, который рассказывал про «синергию» и «горизонты», и Вера кивала, но думала о другом.

Она думала о том, что за все эти годы она ни разу не загуглила «как познакомиться с хоккеистом».

К четырём часам, когда все срочные дела были закрыты, она открыла новый документ.

Точнее — новую таблицу.

ФАЙЛ: Анализ_рынка_Хоккей.xlsx

Лист 1: «Команды»

Вера начала с общей картины. Она была менеджером, а менеджер всегда начинает с общей картины. Только потом — детали.

Она открыла поисковик и набрала: «хоккейные клубы России».

Через двадцать минут она знала, что в КХЛ играет двадцать три команды. Через сорок минут — что команд на самом деле больше, но некоторые из них она не могла запомнить, потому что они назывались так, будто их придумывал генератор случайных слов. Через час она уже сомневалась, что вообще понимает, что делает.

Она сохранила список команд. Двадцать три штуки. Разбросаны по всей стране. От Владивостока до Калининграда. От Мурманска до Ташкента (шутка, но Вера уже не была уверена).

Она разбила их по городам. Москва — три команды. Питер — одна. Казань, Уфа, Омск, Челябинск, Магнитогорск, Новосибирск, Хабаровск, Владивосток, Сочи, Нижний Новгород, Ярославль, Череповец, Подольск, Балашиха, Мытищи, Тольятти, Астана.

Вера посмотрела на список и подумала: «Если я хочу московского хоккеиста, у меня три варианта. Если я хочу хоккеиста вообще — у меня двадцать три. Но я не хочу переезжать. У меня компания. У меня кот. У меня квартира с ипотекой, которую я, слава богу, уже закрыла. Я остаюсь в Москве».

Она подчеркнула три команды. Потом добавила в список ещё одну — питерскую. На всякий случай. Питер был близко. Питер был всего четыре часа на «Сапсане». Питер был приемлемым компромиссом.

«Компромисс с собой», — подумала Вера. — «Это новый уровень. Даже для меня».

Лист 2: «Составы»

Теперь начиналось интересное. Вера открыла сайты клубов и начала переносить игроков в таблицу.

Это оказалось сложнее, чем она думала.

Во-первых, игроков было много. В каждой команде — двадцать пять-тридцать человек. Умножаем на четыре команды. Получаем сто двадцать. Сто двадцать человек, которых нужно было оценить. Вера почувствовала, как у неё дёргается глаз. Так бывало, когда она открывала бэклог и видела пятьсот незакрытых задач.

Во-вторых, она не понимала, кто из них кто.

Она знала, что есть вратари. Вратари — это те, кто стоит в воротах и ловит шайбу. Логично. Она даже знала, что вратари немного не в себе — потому что стоять под летящей шайбой весом в сто шестьдесят граммов и не сойти с ума мог только человек с особым складом психики. Вера уважала вратарей. Но вратари ей не подходили. Вратарь — это слишком специфично. Вратарь — это человек, который привык, что от него зависит всё, и он не может позволить себе ошибиться. Вера знала этот тип. Она сама была этим типом.

«Вратарей отсекаем», — написала она в заметках. — «Слишком похожи на меня. Брак двух вратарей — это не семья, это дуэль».

Дальше были защитники. Защитники — это те, кто защищает. Логично. Они крупные, они надёжные, они стоят на последнем рубеже. Вера задумалась. С одной стороны, защитник — это стабильность. С другой стороны, защитники, по её наблюдениям, были самыми травмированными. Они ловили шайбы на себя. Они блокировали броски. Они шли в углы, где их били.

«Защитник — это мужчина, который постоянно ловит удары», — записала Вера. — «Мне нужен мужчина, который ловит удары, но не превращается в один сплошной синяк. Или мне нужен психолог, а не муж. Вопрос открыт».

Потом были нападающие. Нападающие — это те, кто забивает. Они быстрые, они наглые, они любят внимание. Нападающий — это человек, который привык быть в центре. Вера задумалась снова.

«Нападающий — это мужчина, который любит, когда его хвалят», — записала она. — «Я тоже люблю, когда меня хвалят. Мы будем конкурировать за внимание. Это может быть проблемой. Или это может быть весело. Надо тестировать».

Она посмотрела на заметки. Они были бессмысленные. Она это знала.

«Я анализирую хоккеистов как продуктовые категории. Нападающий — это премиум-сегмент. Защитник — это средний сегмент. Вратарь — это отдельный культ. Господи, я сошла с ума».

Она вздохнула, удалила все философские заметки и оставила только сухие данные.

К вечеру у неё была таблица на сто двадцать строк. Колонки:

ФИО
Команда
Амплуа
Возраст
Рост
Вес
Голы
Передачи
Очки
Соцсети
Семейное положение
Примечания

Последняя колонка была самой интересной. Вера заполняла её, не жалея времени. Там были записи вроде:

— «Нос сломан три раза. Либо смелый, либо не умеет уворачиваться».

— «В интервью говорит мы вместо я. Командный игрок. Плюс».

— «На пресс-конференции отвечал односложно. Либо скромный, либо пустой. Надо проверять вживую».

— «В соцсетях только реклама букмекеров. Нет. Просто нет».

— «Восемьсот тысяч подписчиков, но ни одного фото с семьёй. Подозрительно».

— «Упоминается в статье как самый весёлый в раздевалке. Интересно».

— «Была травма колена в прошлом сезоне. Риск. Отложить».

— «В интервью процитировал Достоевского. Шутка? Или нет? Уточнить».

К концу третьего часа Вера поняла, что она не составляет ТЗ на мужа. Она составляет досье.

«Если это попадёт в чужие руки, меня посадят», — подумала она. — «Или, что хуже, отправят на принудительное лечение».

Она поставила на файл пароль.

Лист 3: «Соцсети»

Вера не считала себя сталкером. Она считала себя исследователем.

Исследователь просто обязан изучить открытые источники. Это не преступление. Это методология. Она изучала конкурентов «Синхрона» точно так же — заходила на их сайты, читала отзывы, смотрела, как они общаются с клиентами. Никто не называл это сталкерством. Это называлось «конкурентная разведка».

Так почему, когда она зашла в инстаграм хоккеиста, это ощущалось как что-то неприличное?

Вера открыла первый профиль.

Хоккеист А. Двадцать восемь лет. Нападающий. Полторы тысячи подписчиков. Каждое второе фото — с тренировки. Каждое третье — с рыбалки. Каждое четвёртое — с машиной, которая стояла, как её первая квартира. Подписи: «Работаем дальше». «Спасибо за поддержку». «Бог дал — бог взял».

Вера задумалась. «Бог дал — бог взял». Это цитата из Библии. Хоккеист цитирует Библию. Это плюс. Или это минус? Она не знала. Она вообще не знала, как оценивать такие вещи.

Она открыла второй профиль.

Хоккеист Б. Тридцать один. Защитник. Восемьдесят тысяч подписчиков. Каждое фото — в костюме. Каждое второе фото — с бокалом. Каждое третье — с какой-то девушкой, которую он не тегал. В комментариях — сотни восторженных сообщений. Вера почувствовала, что у неё начинает дёргаться глаз сильнее.

«Публичный человек», — записала она. — «Слишком публичный. Личная жизнь на витрине. Это не для меня. Я не хочу делить мужа с интернетом».

Она открыла третий профиль.

Хоккеист В. Двадцать шесть. Нападающий. Триста подписчиков. Последнее фото — год назад. Последняя запись — «Спасибо всем за сезон».

Вера остановилась. Она посмотрела на этот профиль и почувствовала что-то похожее на уважение.

«Человек, который не живёт в интернете», — записала она. — «Редкость. Возможно, интроверт. Возможно, просто не любит внимание. И то, и другое — плюс. Добавить в шорт-лист».

К половине двенадцатого ночи Вера просмотрела сорок два профиля. Сорок два. Из ста двадцати.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок. Глаза болели. Шея затекла. Кофе кончился три часа назад. Дедлайн спал на подоконнике, свернувшись в клубок.

Она чувствовала себя... странно.

Она только что провела три часа, изучая жизни сорока двух мужчин, которых никогда не видела. Она знала их возраст, их рост, их вес, их статистику, их травмы, их хобби, их любимые блюда (у одного в профиле было фото с борщом, и он написал, что это «мамина кухня»). Она знала, кто из них женат, кто разведён, кто встречается с моделью, кто встречается с блогершей, кто ни с кем не встречается, судя по отсутствию фотографий.

Она знала о них больше, чем о многих своих сотрудниках.

И при этом она не знала о них ничего.

Она не знала, как они смеются. Не знала, что они говорят, когда никто не слышит. Не знала, каково это — сидеть с ними на кухне в три часа ночи и молчать. Не знала, что они думают о своей жизни, о своей карьере, о том, что будет, когда всё закончится.

Она смотрела на их жизни через экран, как будто это был другой вид спорта. И это было самое грустное, что случилось с ней за сегодня.

«Ты ищешь человека или строчку в резюме?» — спросила она себя.

Этот вопрос был в её ТЗ, в разделе «Риски». Пункт 7.4.

Она тогда написала: «Статус: открыт. Вернуться по итогам проекта».

Кажется, пора было возвращаться.

Но Вера Соколова была упрямой. Это было её главное качество и её главная проблема. Она не умела останавливаться на полпути. Она умела только идти до конца, а потом разбираться.

Она закрыла ноутбук.

«Завтра», — сказала она себе. — «Завтра я пойду на матч. Вживую. Без экрана. Посмотрю на них в реальности. Может быть, тогда я пойму».

Она встала, взяла кота (Дедлайн возмутился, но не сильно — он был тёплый и сонный), и пошла спать.

Лист 4: «Шорт-лист»

К среде у Веры был шорт-лист.

Восемнадцать имён. Из ста двадцати. Восемнадцать мужчин, которые прошли первичный отбор.

Вера сама не знала, по каким критериям она их отбирала. Она смотрела на таблицу и понимала, что это не аналитика. Это интуиция. А интуицию она не любила. Интуиция — это то, что остаётся, когда кончаются данные. А данные у неё кончились на сорок втором профиле.

Она перечитала шорт-лист.

Там были нападающие (семь), защитники (шесть), вратари (два), и ещё три человека, чьё амплуа она до сих пор не поняла. Один из них был «нападающий/защитник», что, по мнению Веры, было признаком либо универсальности, либо нежелания тренера определяться.

Она посмотрела на возраст. От двадцати пяти до тридцати трёх. Хорошо.

Рост. От ста восьмидесяти двух до ста девяноста шести. Хорошо.

Голы. От трёх до сорока одного. Неровно. Она подумала, что сорок один — это слишком много. Такой человек точно звезда. Звезде будет сложно с ней. Или ей будет сложно с ним. В любом случае, риск.

Она подумала, что три — это слишком мало. Такой человек либо не играет, либо играет плохо, либо играет в обороне. Вера не знала, что делать с этими вариантами.

Она подумала, что, может, ей нужен кто-то средний. Не звезда. Не скамейка. Кто-то, кто играет, но не на первых полосах. Кто-то, кто стабилен, но не на виду. Кто-то, у кого есть время, силы и желание быть человеком, а не функцией.

Она убрала звезду. Убрала скамейку. Осталось четырнадцать.

Она добавила колонку «Вероятность того, что он вообще свободен». Проставила проценты. Посмотрела на результат. Убрала ещё трёх. Осталось одиннадцать.

Она добавила колонку «Вероятность того, что он захочет со мной познакомиться».

Это было сложнее. Она не знала, как это считать. Она смотрела на фотографии этих мужчин и думала: а что, если я им не понравлюсь? Что, если я слишком старая? Слишком умная? Слишком занятая? Что, если они ищут девушку, которая будет сидеть дома и варить борщ, а не управлять компанией на сто восемьдесят человек?

Она закрыла файл.

«Не сейчас», — сказала она себе. — «Сначала матч. Сначала посмотреть на них. Сначала понять, хочу ли я вообще этого».

Она сохранила таблицу. Версия 2.3.

И пошла собираться на хоккей.

Заметки в телефоне (из приложения «Заметки», папка «Личное/Стендап/Черновики»)

«Знаете, что общего между поиском мужа и поиском инвестиций?»

И там, и там ты сначала составляешь список критериев. Потом ищешь по критериям. Потом находишь человека, который под них не подходит, и понимаешь, что все критерии — это чушь.

Я составила таблицу на сто двадцать человек. Сто двадцать. Я знаю, у кого из них есть собака, а у кого — ипотека. Я знаю, кто из них цитирует Достоевского, а кто — букмекеров. Я знаю больше, чем хотела бы.

И знаете, что я поняла? Что я не знаю главного. Как он смеётся. Как он молчит. Как он говорит «доброе утро» в семь утра, когда ты ещё не человек.

Я не могу это загуглить. Я не могу это внести в таблицу. Я не могу это оптимизировать.

И это бесит. Потому что я привыкла, что всё можно оптимизировать. А любовь, оказывается, нельзя. Или можно, но тогда это не любовь, а проект. А мне не нужен проект. У меня на работе хватает проектов.

Мне нужен человек. А человека в таблицу не занесёшь. Хотя я пыталась. Я занесла. У меня есть колонка «Примечания». И в ней написано: «В интервью процитировал Достоевского. Шутка? Или нет? Уточнить».

Господи. Я собираюсь уточнить это на свидании. Я собираюсь спросить у живого человека, шутил ли он, когда цитировал Достоевского. Я превратилась в HR-отдел собственной личной жизни.

И самое смешное — я всё равно пойду на этот матч. Потому что я упрямая. Потому что я не умею останавливаться. Потому что, если я чего-то хочу, я это получу. Даже

если для этого придётся пересмотреть сто двадцать профилей, выучить правила хоккея и научиться не выглядеть как человек, который пришёл на матч ради знакомства.

Хотя я именно такой человек. И это, наверное, самое честное, что можно обо мне сказать».

Глава 3. Первый спринт

Вера готовилась к матчу как к переговорам с крупным инвестором.

То есть — тщательно, продуманно и с полным осознанием того, что всё может пойти не так.

Она начала за три дня. В понедельник вечером открыла шкаф и поняла, что у неё нет ни одной вещи, в которой она могла бы пойти на хоккей и при этом не выглядеть либо как спонсор, либо как женщина, которая пришла на хоккей ради знакомства.

Проблема была в том, что она действительно шла на хоккей ради знакомства. И это нужно было скрыть.

Она перебрала гардероб. Деловые костюмы — нет. Слишком официально. Платья — нет. Слишком «я пришла в ресторан, а не на стадион». Джинсы — да. Но какие? У неё было семь пар джинсов. Все дорогие. Все идеально сидели. И все были слишком хороши для обычной трибуны.

«Господи, — подумала Вера. — Я собираюсь на хоккей. Это не Met Gala. Это спорт. Люди приходят туда в чём попало. Я тоже могу прийти в чём попало. Только у меня нет ничего, что попало. У меня всё — специально».

Она выбрала тёмные джинсы, простую белую футболку и кожаную куртку. Посмотрела в зеркало. Выглядела как женщина, которая случайно оказалась на стадионе по пути с работы. Идеально.

Потом подумала и добавила каблуки.

Потом подумала ещё раз и убрала каблуки. Надела кроссовки.

Потом посмотрела на кроссовки и поняла, что они стоят как чей-то месячный оклад. Это тоже было проблемой. Вера сняла кроссовки и надела обычные кеды. Они были необычными только тем, что их купила она. Но об этом никто не знал.

«Я сошла с ума, — сказала она себе. — Я стою перед шкафом в одиннадцать вечера и выбираю одежду для того, чтобы пойти на матч и познакомиться с мужчиной, которого я даже не знаю. Это не проект. Это диагноз».

Она всё равно выбрала джинсы и футболку.

Во вторник она купила билет.

Это оказалось целым приключением. Вера привыкла покупать билеты через приложение, в два клика, с выбором места и электронным пропуском. Здесь всё было иначе. Сайт клуба выглядел так, будто его делали в две тысячи восьмом году и с тех пор только добавляли новые кнопки. Вера потратила двадцать минут, чтобы понять, что VIP-ложа — это не то, что ей нужно.

VIP-ложа — это отдельный вход, отдельный буфет, отдельные люди. Люди в VIP-ложе не знакомятся с хоккеистами. Они смотрят на них сверху вниз, как на экспонаты. Вера это уже проходила. Она была в VIP-ложе. Она знала, что там сидят партнёры, спонсоры и жёны. Она не хотела быть ни тем, ни другим, ни третьим.

Она купила билет на обычную трибуну. Четырнадцатый сектор. Седьмой ряд. Место двадцать три.

Потом посмотрела на схему зала и поняла, что четырнадцатый сектор — это за воротами. Оттуда плохо видно. Но Вера решила, что это даже лучше. Меньше шансов, что её увидят. Больше шансов, что она увидит.

Кого она хотела увидеть, она пока не знала. Шорт-лист был. Но шорт-лист — это теория. Ей нужна была практика.

В среду она начала готовиться к матчу.

Не физически. Интеллектуально.

Вера открыла VK видео и набрала: «правила хоккея для начинающих».

Она посмотрела три видео. В первом рассказывали про пробросы. Во втором — про офсайды. В третьем — про то, как правильно бить клюшкой по лицу соперника и не получить удаление.

Вера ничего не поняла.

Она честно пыталась. Она смотрела на схемы, на стрелочки, на комментаторов, которые объясняли, что «этот игрок находится в положении вне игры», и думала: «Я управляю компанией, которая делает продукт для тридцати миллионов пользователей. Я разбираюсь в архитектуре, в аналитике, в финансах. Почему я не понимаю, что происходит на льду?»

Потому что это был хаос. Это был управляемый хаос, но хаос. Двадцать человек одновременно делали двадцать разных вещей, и всё это называлось «игрой». Вера привыкла к системам. К порядку. К тому, что каждый знает свой маневр.

Здесь никто не знал. Здесь все импровизировали. И именно поэтому это работало.

«Ладно, — сказала Вера. — Я не буду понимать. Я буду наблюдать».

Она закрыла видео. Открыла другой сайт. Начала читать про тактику. Через двадцать минут бросила.

«Я не обязана понимать хоккей, — сказала она себе. — Я обязана понимать людей. А людей я понимаю».

Она открыла шорт-лист. Перечитала. Восемнадцать имён. Она вычеркнула ещё пять. Осталось тринадцать.

«Тринадцать — плохое число», — подумала она. — «Но я не суеверная. Я просто осторожная».

Она закрыла ноутбук. Пошла спать. Не спалось.

В четверг она приехала на арену за час до начала.

Это было слишком рано. Она это понимала. Но она не могла сидеть дома. Дома она бы снова открыла таблицу и начала перепроверять данные. А это было уже не исследование, а невроз.

Арена была огромная. Серая, бетонная, с огромным логотипом клуба на фасаде. Вера прошла через рамку, отдала сумку на досмотр (охранник посмотрел на её ноутбук и спросил: «Работаете?» — «Нет», — соврала Вера), и вошла внутрь.

Внутри пахло. Пахло хот-догами, попкорном, пивом и чем-то ещё, что Вера не смогла идентифицировать. Может быть, это был запах надежды. А может быть, это был запах людей, которые пришли сюда, чтобы на два часа забыть о своей жизни.

Она нашла свой сектор. Седьмой ряд. Место двадцать три. Села.

Вокруг были люди. Обычные люди. Мужчины в свитерах с логотипами. Женщины с детьми. Подростки с телефонами. Пара пенсионеров, которые пришли с термосом. Никто не обращал на Веру внимания. Она была просто ещё одной женщиной на трибуне.

Это было странно. Вера привыкла, что на неё обращают внимание. В офисе — потому что она директор. На конференциях — потому что она спикер. В ресторанах — потому что она красивая. Здесь она была никем. И это было... освобождающе.

Она расслабилась. Насколько это было возможно.

Матч начался в семь.

Вера не поняла ничего.

Шайбу вбросили. Игроки поехали. Зазвучал свисток. Потом ещё один. Потом комментатор закричал что-то, чего Вера не разобрала. Потом все встали. Потом все сели. Потом все снова встали.

— Простите, — обратилась Вера к соседу, мужчине лет сорока в свитере с номером девять. — А что сейчас произошло?

Мужчина посмотрел на неё как на инопланетянку.

— Удаление.

— У кого?

— У наших.

— А почему?

— За грубость.

— А что он сделал?

Мужчина задумался. Посмотрел на лёд. Потом на Веру.

— Ну, грубость.

Вера кивнула. Она не поняла. Но решила, что это нормально. Она не обязана понимать. Она обязана наблюдать.

Она наблюдала.

Она смотрела на игроков. На их движения. На то, как они катаются, как передают шайбу, как сталкиваются, как падают, как встают. Она смотрела на их лица. На эмоции. На то, как они радуются, когда забивают, и как злятся, когда пропускают.

Она смотрела на них и понимала, что не чувствует ничего.

Ни один из них не вызывал у неё отклика. Ни один не заставлял её сердце биться быстрее. Ни один не был тем, кого она искала.

«Может, я не туда смотрю», — подумала она. — «Может, я ищу не там».

Она посмотрела на трибуны. На людей. На мужчин, которые сидели рядом. На тех, кто пришёл с семьями, с друзьями, с девушками. На тех, кто был один. На тех, кто болел, кричал, радовался.

И тут она увидела его.

Не хоккеиста. Нет.

Массажиста.

Он сидел двумя рядами ниже. Мужчина лет пятидесяти, с добрым лицом и усами. На нём была куртка с логотипом клуба. Он что-то жевал и смотрел на лёд с видом человека, который видел этот матч уже тысячу раз.

Вера не знала, почему она обратила на него внимание. Может быть, потому что он был единственным, кто не кричал. Может быть, потому что он выглядел как человек, который знает всех.

Она встала. Спустилась на два ряда. Села рядом.

— Простите, — сказала она. — Вы работаете в клубе?

Мужчина посмотрел на неё. Прожевал. Проглотил.

— Работаю.

— А кем, если не секрет?

— Массажист.

Вера почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Массажист. Это не хоккеист. Но это человек, который знает хоккеистов. Который работает с ними каждый день. Который, возможно, может её с кем-то познакомить.

— А вы... — начала она.

— Мазь не продаю, — перебил он.

— Что?

— Мазь. Не продаю. Уже трое сегодня спрашивали. Я не продаю мазь. Я работаю с командой. Это разные вещи.

Вера моргнула.

— Я не про мазь.

— А про что?

— Я... — Вера замялась. Она не знала, как сказать. — Я хотела спросить. Вы знаете игроков? Ну, лично?

Массажист посмотрел на неё внимательнее. Отложил свой хот-дог.

— Знаю.

— А они... какие?

— В смысле?

— Ну, в жизни. Не на льду. Они какие?

Массажист молчал. Смотрел на неё. Вера поняла, что выглядит странно. Очень странно. Женщина в джинсах и футболке подходит к незнакомому мужчине на хоккее и спрашивает, какие хоккеисты в жизни.

— Девушка, — сказал он наконец. — Вы кто?

— Я... — Вера не нашла, что ответить. — Я журналист.

Это была ложь. Плохая ложь. Она никогда не была журналистом. Она была директором IT-компаний. Но она не могла сказать правду. Правда была слишком абсурдной.

— Журналист, — повторил массажист. — Из какого издания?

— Из... — Вера лихорадочно соображала. — Из одного. Онлайн. Небольшое.

— Как называется?

— «Синхрон».

Она сказала это раньше, чем подумала. «Синхрон» — это была её компания. Не издание. Но слово уже вылетело.

— Не слышал, — сказал массажист.

— Мы молодые. Только запустились.

— Ага. — Он явно не поверил. — И что вы хотите узнать?

— Всё. — Вера поняла, что нужно спасать ситуацию. — Я пишу статью. О хоккеистах. Какие они вне льда. Чем живут. О чём думают. Мне нужен инсайдер. Человек, который знает их изнутри.

Массажист смотрел на неё долго. Потом вздохнул.

— Слушай, — сказал он. — Я тебе так скажу. Хоккеисты — они такие же, как все. Кто-то хороший, кто-то нет. Кто-то умный, кто-то не очень. Кто-то пьёт, кто-то нет. Они не ангелы и не демоны. Они люди. Работа у них такая. Тяжёлая. И они её делают. Всё.

— А есть кто-то... — Вера подбирала слова. — Кто-то особенный?

— Все особенные, — сказал массажист. — И никто.

Он посмотрел на лёд. Там снова что-то происходило. Кто-то забил. Все встали. Вера тоже встала, потому что все встали.

— Слушай, — сказал массажист, когда все сели. — Я тебе дам совет. Не надо искать хоккеиста. Надо искать человека. Хоккеист — это профессия. Она заканчивается. А человек — это навсегда. Поняла?

Вера кивнула.

— А если я хочу именно хоккеиста?

Массажист посмотрел на неё как на ребёнка, который просит конфету перед обедом.

— Тогда иди в раздевалку. Там их много. Но туда не пускают. Так что — удачи.

Он встал. Взял свой хот-дог. И ушёл.

Вера осталась сидеть. Одна. В окружении людей, которые кричали, радовались, болели. Она смотрела на лёд. На игроков. На их лица.

И понимала, что провалилась.

Дома она открыла ноутбук.

Было полпервого ночи. Дедлайн спал на подушке. Вера сидела на кухне, пила чай и смотрела на таблицу.

ФАЙЛ: Спринт_1_Отчёт.docx

Статус: завершён с отрицательным результатом.

Что планировалось: Посетить матч. Наблюдать за игроками. Установить контакт с одним из них. Провести первичную оценку.

Что произошло: Матч посещён. ✓

Наблюдение проведено. ✓ (результат: ноль)

Контакт установлен. ✗ (установлен контакт с массажистом, не с игроком)

Оценка не проведена. ✗

Причина провала:

— непонимание игры;— отсутствие доступа к игрокам;— ложь о журналистике (неубедительная);— отсутствие плана действий после начала матча.

Выводы:

Посещение матча в качестве зрителя не даёт доступа к игрокам. Необходим другой подход. Необходимо найти способ попасть в среду, где хоккеисты находятся в неформальной обстановке.

Рекомендации:

- рассмотреть благотворительные мероприятия;
- рассмотреть закрытые вечеринки;
- рассмотреть спонсорство (как вариант);
- не лгать о журналистике (плохо получается).

Статус: открыт. Требуется новый спринт.

Вера сохранила файл. Потом открыла другой.

ФАЙЛ: Ретроспектива_Спринт_1.docx

Что получилось:

Я сходила на хоккей. Это уже достижение. Я двадцать восемь месяцев не ходила никуда, кроме офиса и спортзала. Я вышла из зоны комфорта. Это плюс.

Что не получилось:

Я не познакомилась с хоккеистом. Я познакомилась с массажистом. Он сказал, что я ищу не того. Он сказал, что хоккеист — это профессия, а человек — это навсегда.

Что я чувствую:

Я чувствую, что он прав. И это меня бесит.

Что я поняла:

Я поняла, что я не знаю, чего хочу. Я хочу хоккеиста. Но я не знаю, зачем. Я хочу, чтобы он был красивым, сильным, успешным. Но я не знаю, что он будет чувствовать. Я не знаю, что я буду чувствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.